Если бы молодому аптекарю из города Шкодера Рудольфу Гейделю до 1914 года напророчили, что будет он генералом, станет командовать почти всем войском диктатора, да ни где-нибудь, а в Сибири, он бы наверняка расхохотался, не поверив. Слишком уж фантастично это звучало. Однако так именно и случилось. Чех по отцу, мать черногорка, он родился в 1892 году в городе Котор, что в Черногории. Потом семья переехала в Австро-Венгрию, где наш герой подрос, выучился на фельдшера, открыл аптеку и женился. И так бы ровно и долго протекала жизнь провинциала, если бы не мировая война. В австрийскую армию его призвали в 1914 году, служил фельдфебелем. Но вскоре военная служба на благо императора Франца-Иосифа ему надоела. Из славяно-патриотических побуждений он сдался в плен черногорцам, назвавшись при этом поручиком. Приняли его с распростёртыми объятиями, как родного. Через короткий срок он уже воевал на стороне земляков против австрийцев. Однако сербам и черногорцам в тот период не везло, австрияки наступали. Гейделю же (который сразу по возвращению на родину назвался на славянский

манер Радолой Гайдой) попадать в плен было не резон: его немедленно расстреляли бы за измену по законам военного времени. И потому через Францию он отправился воевать в Россию, где в феврале 1916 года под Одессой поступил на русскую службу сначала в сербский, а затем во второй чехословацкий стрелковый полк. Служил он исправно, даже героически, получал за доблесть русские кресты и уже в 1917 году при Керенском стал капитаном и командиром одного из полков Чехословацкого корпуса.

Но тут нагрянула Великая Октябрьская революция. Большевики в марте 1918 года заключили Брестский сепаратный мир с немцами. И чехословацкий корпус, который специально создавался для помощи русским в войне, оказался не у дел. Как, впрочем, и вся разложившаяся и небоеспособная царская армия, которую большевики распустили, заменив на отряды красногвардейцев. Чехословаков не тронули, они в это время уже считались на службе Антанты (у Франции), как иностранный легион, а значит, вне юрисдикции России.

А теперь вернёмся к истокам. Как так случилось, что в период Первой мировой войны в России оказалось такое большое число чехов и словаков? Дело в том, что их родина, Богемия и Моравия, уже много веков принадлежала Австрийской империи, и этими народами остро ощущался австрийский гнёт. Впрочем, как и другими народами, входившими тогда в состав этой странной «лоскутной», как её называли, страны: венгры, поляки, галицийцы, русины и даже северные итальянцы!

-2-

В период войны империя трещала по швам. Мечтой всех национальностей было самоопределение и выход из государства Габсбургов. А помочь славянам, по их мнению,

должна была Россия, как самое большое славянское государство. Идеи «панславянизма» витали в воздухе. Вот почему чехословаки по одному, группами и даже целыми полками сдавались в плен русским в надежде, что смогут помочь России освободить их родину и сделать её независимой. С 1915 года по октябрь 1917 года около 50 000 чехословацких солдат оказались в российском плену и содержались в лагерях для военнопленных под Киевом и Самарой, где их активно вербовали в чехословацкие подразделения. Целый корпус был создан и даже успел повоевать на германском фронте на стороне русских. И вдруг – сбой. Кому же они теперь нужны? Если их не хотят большевики в России, то, может быть, они пригодятся Антанте, которая продолжала войну? И ответ пришёл: «Ну, конечно же, такие боевые ребята им очень нужны для подмоги в Бельгии и под Верденом, где французы потерпели неудачу. Оформим ваш корпус как французский иностранный легион и, договорившись с Советами, вывезем вас в Европу из Владивостока на своих пароходах. А Масарик (эмигрант в Париже, будущий первый президент Чехословакии) дал такую тайную установку: «1. Ехать в Приморье. И на кораблях французов – на их фронт с немцами. 2. Считать врагами немцев, австрийцев и большевиков. Но не Антанту!» На совете корпуса так и решили поступать. 15 января 1918 года корпус стал составной частью французских войск. И превратился в иностранный легион.

Троцкий, будучи военным комиссаром в Москве, не возражал против выезда чехов через Дальний Восток. От имени Совнаркома договор подписал Сталин. В апреле 1918 года тридцать пять тысяч вооруженных солдат погрузили в вагоны и отправили на восток; составы растянулись от Пензы до Владивостока.

На 20 мая 1918 года эшелонами с частями легиона от Пензы на Сызрань и Самару командовал поручик Станислав

Чечек. Составами между Петропавловском через Курган на Омск – Ян Сырова. Челябинск – Миас – С. Войцеховский. Новониколаевск – Тайга – капитан Р. Вайда. Во Владивостоке – генерал Дитерикс.

Далее случилась этакая фантасмагория, разобраться в которой до конца не могут даже сейчас. Почти одновременно три части легиона: центральная, западная и восточная подняли мятеж против Советской власти, установившейся пятью месяцами раньше в городах и весях по «Транссибу», свергли её и передали властные полномочия белякам. Почему? Ведь ещё совсем недавно чехословаки подчёркивали свой нейтралитет и нежелание вступать в разборки между белыми и красными и заявляли, что их интересует лишь скорейший выезд из России в Европу.

-3-

В действительности они оставались в Сибири ещё целых два года, в течение которых натворили столько «дел» и бед, что их едва ли можно исчислить в несколько сотен тысяч погибших и более чем в один миллиард долларов убытков!

Говорят, что поводом для мятежа послужила какая-то драка на станции Челябинск между мадьярами-красногвардейцами и чехами, проезжавшими мимо по железной дороге. (Эти нации и до войны-то не мирились между собой, хотя обе входили в состав Австро-Венгрии). В результате был убит один чех. Другие заверяют, что причина была серьёзней: телеграмма Троцкого всем «Совдепам» по линии «Транссиба». Под угрозой наказания им немедленно предписывалось разоружить чехословаков и по возможности вернуть назад. На некоторых станциях составы стали задерживать. Но кто бы по-настоящему смог выполнить тот приказ? Чехи были в основном видавшие виды солдаты, которые воевали на

фронте по два-три года, а красногвардейцы – необстрелянные рабочие с красными повязками на рукавах. Современные дружинники. И хотя, например, в Новониколаевске и его уезде тех и других было примерно поровну (по тысяче человек), перевес можно считать оказался на стороне будущих мятежников, тем более что выступили они внезапно и вкупе с беляками.

А может быть, большевикам захотелось спровоцировать полномасштабную Гражданскую войну, которая никак не хотела разгораться по прошествии полугода после Октябрьского переворота? С тем чтобы выявить и расправиться со всеми инакомыслящими, буржуазией. Чехи же могли стать своеобразным запалом в этой войне. Чем они и стали.

Как бы там ни было, легионерам совсем не светила выдача их как предателей немцам и австрийцам на расправу. И потому они так дружно выступили. Да, но это плохо походило и на стихийный мятеж: уж слишком отчётливо была видна чья-то организаторская рука. Чехи очень быстро находили и сговаривались с местными подпольщиками-белогвардейцами. И выступали почти одновременно на большом участке от Волги до Байкала. То есть, существовал какой-то обширный план, и его привели в действие. И первым оказался Радола Гайда.

Вечером 25 мая 1918 года в Новониколаевске в красивой каменной гостинице «Метрополитен», что по улице Дворцовой (Революции) № 4, в номере, занимаемом приезжей актрисой, собралось тайное совещание. Чехословаки были представлены офицерами: капитаном Гайдой, штабистами Гусариком и Кадлецом. От подпольщиков прибыли офицеры из распущенных большевиками воинских частей: полковник Ясныгин, капитан Серебрянников, поручики Травин, Лукин, Старков, Новиков и Зеналов. Договорились выступить совместно и немедленно в ту же ночь, имея опознавательные

нарукавные повязки бело-зелёного цвета, хотя поначалу у офицеров и оружия-то почти не было. По первоначальному плану белые планировали поднять восстание против большевиков только через месяц в нескольких городах Сибири, о чём их руководитель Гришин-Алмазов договаривался в тот день с подпольщиками Томска. В случае удачи власть передавалась русским, а чехи получали возможность ехать дальше во Владивосток.

-4-

С арестом «Совдепа» больших затруднений не оказалось. В здании «Дворца революции», где круглосуточно заседали «Совдеп» (раньше это был «Коммерческий клуб», а сейчас театр «Красный факел»), ворвались заговорщики. «Руки вверх!» – скомандовал поручик Лукин. И все «прозаседавшиеся», обсуждавшие как раз новый декрет о повышении размера контрибуции на лавочников, послушно подняли руки. Арест всей Советской власти произошёл всего за сорок минут и практически бескровно. Были убиты лишь трое из нападающих. И это несмотря на охрану и четыре пулемёта, которые имелись у Совета. Правда, затем всего лишь через десять дней, точнее 3 июня, всё руководство «Совдепа» было расстреляно, точнее, застрелены без суда прямо на улице при переводе из одного тюремного помещения в другое. Распорядился, как говорят, начальник конвоя, ненавидевший большевиков за притеснения его близких родственников. Избежал смерти в тот момент только председатель Новониколаевского «Совдепа» Романов, бывший в то время в отлучке, найденный и расстрелянный колчаковцами только в ноябре 1919 года.

Другой небольшой большевистский отряд-интернационалистов в Ново-Николаевске в ту же ночь был атакован чехами в казармах. Мадьяры, китайцы и немцы с красными бантами

оказали сопротивление, но ненадолго. После гибели некоторых из них они отступили и разбежались.

В течение полутора месяцев Гайда с небольшим отрядом забирал один город за другим от Омска до Иркутска (7 июля), расправляясь с Советами и передавая власть белогвардейцам. То же самое происходило на Волге, Урале и Дальнем Востоке. Вскоре в Уфе установилась власть Директории и «Комуча», который собрали из некоторых делегатов Учредительного собрания, разогнанного в Петрограде ещё в январе матросом Железняковым. Затем это Сибирское правительство переехало в Омск.

Омские власти считали себя революционерами, даже отменённые в 1917 году погоны у них в армии не носили! Проповедовали поначалу идеи правых эсеров и «областников». (Последние ратовали за демократию и отделение Сибири от России). Хотя в борьбе с большевиками от помощи кадетов, казаков и монархистов тоже не отказывались. Сформировали «Народную армию «Комуча», в которой, как ни странно, основной боевой силой оказался Чехословацкий корпус, вовсе не спешивший тогда к Тихому океану. И перешли в наступление на Западном фронте. Чехи взяли Саратов, Екатеринбург, Челябинск, дошли до Казани.

-5-

В октябре 1918 года в Омск из Америки привезли царского адмирала Колчака, который стал военным и морским министром Временного сибирского (потом российского) правительства. Однако уже 18 ноября 1918 года Колчак, опираясь на казаков и офицеров-монархистов, организовал путч, объявив себя Верховным правителем России. (Считалось, что захват Сибири – только начало). Большая часть прежних руководителей пошли служить диктатору, в том числе и Радола Гайда.

Буржуазия и офицеры все надежды на «восстановление порядка» стали возлагать на «твёрдую руку».

И, действительно, на первых порах Колчак имел успех. Армия в 400 000 штыков, мобилизованная из сибирских крестьян и тысяч царских офицеров, которые тоже были вынуждены служить адмиралу, шла от победы к победе. Чехи же сдержанно отнеслись к фигуре адмирала на троне. Прежние «демократы» в Омске им более импонировали. Вдобавок изменились обстоятельства. Во-первых, большевиками была организована боеспособная Красная армия. В неё мобилизовали больше миллиона человек, а дееспособность ей придал институт «военспецов», внедрённый Троцким. В качестве военных специалистов стали набирать боевых офицеров, которые покончили с анархией в советских войсках, ввели дисциплину и научили воевать грамотно. К весне 1919 года красные перестали отступать, а кое-где перешли в контрнаступление. По-настоящему же воевать с серьёзным противником чехи не любили и потому, как и русские солдаты армии Колчака, стали дезертировать с фронта. И потом, а за что им было теперь воевать? Мировая война в ноябре 1918 года закончилась без их участия. Образовалось независимое Чехословацкое государство, куда они рвались теперь всей душой. На помощь Колчаку, которому вовсе не хотелось терять самую боеспособную часть своей армии, прибыл чехословацкий эмиссар Павлу и французский генерал Жанен. «Уж если вы здесь, поработайте на благо законного правителя России. Победа не за горами. И вскоре вы вернётесь на родину». Тем не менее с линии фронта их пришлось забрать. Военный министр Чехословакии Милан Штефанек издал приказ покинуть фронт, передав позиции русским. К весне 1919 года корпус был полностью переброшен в тыл на охрану Транссибирской магистрали от Омска до Иркутска,

на что чехи с радостью согласились. Однако Гайда, наоборот, с энтузиазмом вызвался служить Колчаку. И вот он уже генерал-майор, а вскоре – генерал-лейтенант! Карьера почти наполеоновская! С 24 декабря 1918 года Сибирская армия подчинена ему. Он – победитель, «Сибирский лев», как его именуют в печати. За взятие Перми получает французский и английский ордена. Но всё это продолжается недолго.

-6-

Летом 1919 года красные решительно стали напирать на юге. Штаб колчаковской армии с севера начал перебрасывать части на Южный Урал, резко ослабив позиции фронта Гайды. Его тоже стали теснить красные. Отношение русских генералов к «выскочке» всегда было отрицательным. В июле Гайда поехал в Омск выяснять отношения с Колчаком по поводу начальника штаба Лебедева, переставшего реагировать на его предложения. При встрече «Сибирский лев» и Верховный правитель поссорились, наговорили друг другу кучу гадостей. «Вы не можете командовать армией, не имея элементарного военного образования!» – кричал Колчак. – «Как будто вы раньше этого не знали!» – отвечал Гайда. – «Вы ведь тоже сухопутный адмирал. Что вы-то смыслите в стратегии сухопутных войн?» В результате 19 июля 1919 года Гайда был снят с должности; вскоре лишён чинов и вычеркнут из списка российских войск. В августе он уже снова числится в составе Чехословацкого легиона, а в ноябре приезжает во Владивосток.

Ну а «охранители» «Транссиба»? Они вдруг осознали, что представляют большую силу, им теперь всё дозволено, и никто не указ. Легионеры решили, что в роли интервентов и «завоевателей» Сибири они могут покуражиться над населением совершенно безнаказанно и набить себе карманы перед выез-

дом. Вкупе с бандами белых карателей, польских регулярных частей и казаков легионеры стали заниматься разором сёл и городов близ железной дороги. Под предлогом защиты магистрали от партизан делали набеги на сёла, сжигали деревни, пороли, расстреливали и вешали крестьян, заподозренных в симпатии к Советам. От Ново-Николаевска их конные разъезды рассыпались по всему Алтаю. «Красноштанники» (в их форму входили френчи и суконные красные штаны на зависть всему оборванному колчаковскому воинству) вовсе не думали об идейных разногласиях с большевиками. Их больше занимали имущественные и финансовые дела. Возвращаться домой они хотели обеспеченными. Потому грабили и убивали эти «демократы» и «просвещённые посланцы Европы» очень квалифицировано. Их ненавидели, в конце концов, как сибирские крестьяне, так и красные с белыми в равной степени, называя их «чехособаками».

И чем больше они лютовали, тем мощнее становилось сопротивление народа. Алтай, например, был освобождён партизанской армией Е. Мамонтова от белогвардейщины и интервентов задолго до прихода регулярных частей Красной армии.

А в истории осталась народная песня: «Отец мой был природный пахарь». Текст её был сочинён когда-то известным поэтом пушкинской поры Веневитиновым. Он часто менялся.

-7-

И вот в Гражданскую в Сибири появились новые слова: «На нас напали злые чехи, побили всю мою семью. Отец погиб в жестокой схватке, а мать живу в избе сожгли».

Некоторые оппоненты заявляют: чем уж так особенно выделялись легионеры на фоне бесчинств, творимых другими интервентами в Сибири: поляками, румынами, американ-

цами, или японцами? Все так делали, и белые, в том числе русские, и большевики (на стороне красных тоже были иностранцы: мадьяры, латыши, хунхузы-китайцы и другие, которые также не миловали русский народ). И почему не попользоваться бессильем Российского государства, если уж так всё сложилось, взять то, что плохо лежит? Своеобразная компенсация за пятилетие страданий и мук, перенесённых чехами на территории России! Тупые и забитые сибирские аборигены всё перенесут!

И что доказывают тридцать восемь огромных пароходов, на которых легионеры эвакуировались из Владивостока со всем награбленным и мародёрски добытым скарбом? Как и открытие в Праге своего «Легионербанка», где хранилось привезённое ими из Сибири золото. Легионеры – герои! Так по крайней мере утверждалось в чешской печати.

Теперь о другом чехе, чья судьба тоже была связана с Сибирью и Новониколаевском. Это знаменитый писатель Ярослав Гашек, который родился 30 апреля 1883 года. До начала Первой мировой войны он был в Праге журналистом, писал язвительные фельетоны и рассказы, славился как весельчак и завсегдатай пивных. Но убеждения его были прочны: анархизм и желание видеть свою родину свободной, а свой народ счастливым и богатым. И когда в феврале 1915 года его мобилизовали в австрийскую армию, вольноопределяющийся Гашек при первом удобном случае сдался в плен к русским. Это было 24 сентября 1915 года.

В плену, несмотря на скверные условия содержания в лагере и болезни, он приложил максимум усилий, как журналист, чтобы помочь в организации Чехословацкого корпуса, и уже в его составе воевать на стороне русских за независимость Чехии. Он писал прекрасные статьи в газеты, издаваемые

тогда на чешском языке. А когда появлялась возможность, занимался творчеством, продолжил начатую до войны серию рассказов о бравом солдате Швейке – «Швейк в плену». (Издана в середине 1917 года.) Однако у него очень быстро не заладились отношения с его руководством (он писал фельетоны на этих напыщенных панов). Гашека даже пытались судить судом офицерской чести за оскорбления в печати. Как ни странно, но и с анархистами он быстро разошёлся. Но зато лозунги пролетарской революции заворожили его: «Земля крестьянам, фабрики рабочим!» И он разразился множеством статей в издававшихся тогда на Украине и затем в Самаре газетах на чешском языке, где полностью встал на сторону большевиков.

-8-

Он убеждал собратьев по оружию не ехать во Францию, а остаться в России и вступать в Красную гвардию. Потом бросил корпус, уехал в Москву, познакомился там с видными членами партии большевиков, в том числе Свердловым, видел Ленина, слышал его выступления на митингах.

Ходил воодушевлённый; результатом стало вступление в РКП(б), в иностранную её секцию. Тут же по поручению партии выехал в Самару, чтобы агитировать земляков переходить на сторону революции. У него это отчасти получилось, свыше полутора сотен бывших военнопленных набрал он в свой отряд.

Однако всё пошло не туда, куда планировалось. И когда в мае 1918 года внезапно случился белогвардейский мятеж, ему пришлось бежать из города, скрываясь от разъездов казаков и белочехов. Бродил по губернии, выдавая себя за придурковатого немца-колониста. Наконец, перейдя фронт, он явился в расположение красных, и его, проверив, снова взяли на

службу в Красную армию. В грамотных людях тогда была большая нужда, а он доходчиво объяснил, почему остался вне партийной организации. Долго работал в политотделе 5-ой армии рядовым, а с сентября 1918 года стал руководить иностранной секцией политотдела, благо был полиглотом, знал немецкий, русский, венгерский и польский языки, писал на них статьи, выпускал газеты, выступал на собраниях и митингах. (Оказалось, что русский он самостоятельно изучал ещё с 1901 года!) И всегда находил общий язык с красноармейцами, особенно с бывшими военнопленными. Он потом пытался даже бурятский и китайский языки постичь! Но без больших успехов. Долго жить пришлось в Уфе, где Гашек работал в местной типографии и выпускал красную периодику и агитационную литературу. Рабочие типографии любили и уважали «Ярослава Романовича». Здесь он познакомился и сошёлся с печатницей Александрой Львовой, «Шулинькой», с которой был неразлучен потом до самой смерти. Оформили регистрацию брака они позднее уже в Красноярске.

В Новониколаевск из Омска они приехали 15 декабря 1919 года, на следующий день после взятия города частями 5-ой Красной армией. И тут Ярослав тяжело заболел возвратным тифом (сыпняком он проболел двумя годами раньше, ещё в лагере). И не удивительно! Полгорода лежало в тифу, народ умирал тысячами! Около сорока тысяч солдат-колчаковцев «подарил» Верховный в Новониколаевске большевикам, сбежав из города десятью днями раньше. И причины их пленения было две: тиф и нехватка вагонов для эвакуации захваченных для собственных нужд чехословаками. Даже бывший Дом Революции был тогда занят тифозными больными. Наследие Колчака оказалось страшным: голодный и холодный Новониколаевск, забитый беженцами и деморализованными солдатами, не успевшими уехать, скученность и антисанитария,

и сотни трупов расстрелянных и умерших от тифа, которые валялись прямо на улицах.

-9-

А Гашек? Благодаря заботам Шулиньки, он быстро выздоровел. Не думаю, что, будучи в Новониколаевске, он был занят литературным трудом и писал своего Швейка. Во-первых, болезнь, во-вторых, наброски и рассказы о Швейке в плену, также как и очерки о том, как он был комендантом Бугульмы, датируют более ранним периодом. В-третьих, короток был срок его пребывания в городе. Уже 16 января 1920 года супруги оставили Новониколаевск, и выехали к месту службы в штаб 5-ой армии, который тогда дислоцировался уже в районе Красноярска. И ещё надо учесть, что большую часть того, что Гашек написал в Сибири, он потом оставил в Иркутске и в Москве, поскольку в сентябре 1920 года получил партийное задание выехать на родину к поднявшим восстание рабочим города Кладно. А переезжать границы приходилось не всегда легально.

Впоследствии при подготовке полного собрания сочинений писателя выяснится, что из шестнадцати томов его произведений четыре тома написаны были Гашеком в период его пребывания в Сибири. Только вот собирать всё это приходилось по крупицам.

Иркутск был отмечен ещё и тем, что там Гашек познакомился с будущим сибирским писателем В. Зубцовым (Зазубриным). И даже читал его первые наброски романа «Два мира». Они горячо обсуждали эту, тогда ещё первую книгу о Гражданской войне. Особенно жаркие споры шли об ответственности интеллигенции перед народом, о том, какова должна быть её роль в будущем России.

А где в это время были его земляки? После побед Тухачевского под Челябинском легион бежал из Сибири, практически

не задерживаясь надолго ни в одном городе, в том числе Новониколаевске. Для своих нужд эти интервенты реквизировали по праву сильного более 20000 вагонов – половину всего подвижного состава, который был на Транссибе! Хоть вагоны были тогда небольшими, двухосными («сорок человек или восемь лошадей»), но для транспортировки тридцати одной тысячи чешских солдат, даже со всеми их штабами, скарбом и лошадьми достаточно было иметь три тысячи. Спрашивается, а что они везли в остальных? Конечно же, награбленное. По некоторым данным ими было вывезено ценностей и денег на сумму до одного миллиарда долларов! Это не считая семидесяти тонн серебра, которые им подарил Колчак из доставшейся ему царской казны за свою охрану в пути следования на восток. Потом часть золотого запаса империи, оставшегося после Колчака, атаман Семёнов отправил на сохранность в Японию, часть захватили большевики и вернули в Казань. А остальное? По прибытии на родину легионеры основали ряд банков в Чехии, в которых хранилось их золото. У многих из них были хорошие коттеджи, которых до войны у этой братии не существовало. Но сейчас о том, как они добирались до Владивостока.

-10-

Много конфликтов разгоралось между отступающими белыми и легионерами по поводу паровозов. Умножая и без того кавардак и неразбериху на станциях и полустанках, чехи забирали все паровозные бригады, топливо и исправные паровозы, отцепляя их даже от эшелонов с ранеными и беженцами, которые обрекались в брошенных нетопленных вагонах на верную смерть. По воспоминаниям бывших красноармейцев на всех полустанках от Омска до Новониколаевска стояли до двухсот брошенных составов без паровозов с трупами замёрзших «беляков» – плод неумеренной деятельности чешских

легионеров. Десятки тысяч колчаковцев зимой отступали пешком («ледовый поход») по бесконечным дорогам Сибири, замерзая в пути. Жертвой стал даже прославленный генерал Каппель. Выброшенный чехами из вагона где-то в районе Красноярска, он, проходя с отрядом через озеро, попал в полынью и отморозил себе ноги. После чего умер от гангрены.

Легионеров не терпели уже все: собственное благополучие, собственный комфорт они ставили намного выше простой гуманной мысли о помощи попавшим в беду.

Отступление проходило по правилам, которые ввёл французский генерал Жанен, единственный, кто мог отдавать приказы в это время для всех отступающих. Первыми едут чехословаки, потом – сербы и румыны, затем, если хватало вагонов, белые русские, в том числе – лазареты. Ну а тыл, на случай прорыва красных, прикрывали поляки. Такие стычки бывали. Хотя в основном интервенты и белогвардейцы катились на восток и опережали красных на полторы-две недели.

Неприятный эпизод: под Иркутском местный эсеровский «Политцентр» потребовал выдачи Колчака взамен на возможность каравана двигаться дальше до Владивостока. Нисколько не сомневаясь в порядочности этой бартерной сделки, генерал Жанен и руководство легиона немедленно сдали его и тут же получили возможность ехать дальше. А Колчак вместе со своим председателем правительства Пепеляевым были переданы «Политцентром» большевистскому ревкому. После чего в феврале 1920 года их расстреляли без суда, даже без завершения следствия на льду Ушаковки, притоке Ангары.

А Радола Гайда? Тот значительно раньше оказался во Владивостоке. Авантюрист в очередной раз предал своего очередного хозяина и в ноябре 1919 года устроил путч против Колчака, ратуя за установление мира в Гражданской войне. И это человек, который слыл поджигателем Гражданской войны!

Путч немедленно был подавлен войсками местного гарнизона, и разжалованному экс-Наполеону грозила вышка. Заступились французы. Радолу посадили на пароход и отправили в Европу.

Дома в Чехословакии его сделали героем. Высокие чины в армии, а потом безвременье из-за ссоры с президентом Масариком в 1926 году. Вскоре стал местным чешским фашистом, руководителем фашистской организации, потом подозревался в сношениях с Советской Россией и в связях с немецкими оккупантами. Умер в 1948 году. Предполагают, что в тюрьме.

Итоги Гражданской войны. Она на всех фронтах унесла около тринадцати миллионов жизней русских людей. И виновником в этом можно отчасти признать чехословацкий легион, а также «льва Сибири» Радолу Гайду. Потери легиона – четыре тысячи убитых и пропавших без вести.

Приехав в Чехословакию, Гашек так и не смог найти контакты с коммунистами и левыми. Кладно, где недавно бушевало восстание, было усмирено, руководителей его бросили в тюрьму. Приятели, знавшие Гашека с довоенных пор, как кутилу и короля богемы, тянули Ярослава в кабак. Ни работы, ни денег не было. Но тут пришла спасительная мысль, и друзья его в том поддержали: надо вновь заняться Швейком!

Около двух лет практически без черновиков он писал этот объёмный роман, чему вовсе не способствовала обстановка вокруг автора. Его травили в печати, называя комиссаром-палачом героев-легионеров. Никто не брался печатать его роман, признав его неприличным. Пришлось организовать с друзьями собственное издательство, выпускать роман

частями. Первые тонкие тетрадки-выпуски вышли в свет в 1921 году. Художник Иозеф Лада на их жёлтых обложках изобразил добродушного человека, покуривающего трубку среди разрывов снарядов и гранат.

Успех романа оказался огромным. Его немедленно стали переводить за границей на другие языки. Но закончить своё главное произведение писателю не удалось. Швейк по сюжету даже до фронта ещё не добрался. А ведь задумывалось отправить его в долгий русский плен!

Гашек умер 20 января 1923 года в Липнице, что неподалёку от Праги. Сказалось пятилетие войн и плена, последствия тяжелых болезней.

Итак – авантюрист, заговорщик и предатель Гайда и его почти ровесник великий всемирно известный писатель Гашек. Земляки волею провидения на долгий срок оказались в Сибири. Сначала одновременно служили в одном и том же чехословацком легионе, потом оказались по разные стороны баррикады. С возвращением на родину почти в одно и тоже время закончился их анабасис. Однако какие разные судьбы! В жизни они возможно и встречались, по крайней мере, до 1918 года. Но близкими людьми, людьми «одной крови», никогда не были.

В этом году исполняется 137 лет со дня рождения Ярослава Гашека.

Его самого и его роман о Швейке хорошо знают и любят в нашей стране и в нашем городе тоже. В Новосибирске есть улица, названная в честь писателя. А то, что он побывал здесь когда-то, хоть и не долго, даёт право признать его нашим земляком. Также, как и его героя, бравого солдата Швейка, над приключениями которого будут смеяться и народную мудрость его признавать ещё ни одно поколение.